

«Бог есть счет»

Размышления о посмертной книге Л. Пантелеева «Верую...»

Книга-«разгадка», объяснение «причины... несколько странного для многих человеческого и писательского поведения» Л. Пантелеева — таким добрым вступительным словом некогда предварил публикацию отдельных глав из книги в «Новом мире» Вл. Глоцер. И критика тут же и с радостью пошла следом за этой соблазнительной, но весьма нехитрой мыслью. В «Литературной газете» почти сразу по выходе книги Б. Галанов восторженно приветствовал это событие, отдав дань таланту и душевному благородству ее, увы, уже ушедшего из жизни автора.

Как же все-таки тяготеем мы все — даже вовсе не желая в том признаваться — к легким разгадкам сложнейших человеческих драм! Как вдобавок приятно попасть с ней, этой разгадкой, в такую удобную и растяжимую на любой размер идеологическую кампанию, тем более что вопросы религиозные сегодня обрели мало того что свободу, но и редкостную остроту. А здесь — глубоко интимные записи талантливого детского писателя о его давней, в сущности, всежизненной религиозности, о гонениях на нее, о вынужденной скрытности тех, кто в душе всегда веровал, но не мог открыто исповедовать самое для себя дорогое... Как же не впасть здесь и в умиление, и в соблазн демонстрации собственных христианских убеждений, которые ныне стали, к стыду нашему, модой!

Л. Пантелеев — давний друг и один из наиболее близких С. Я. Маршаку людей — был человеком исключительного благородства и ныне, кажется, уже вышедшей из моды старинной порядочности. В его жизни немало было тяжелейших ситуаций, из которых он выходил, ни в чем не поступившись честью подлинного интеллигента. А дамоклов меч над ним и его ближайшими сотоварищами висел постоянно. Достаточно вспомнить судьбу его соавтора по «Республике ШКИД» Г. Белых, умершего в 38-м году в тюремной больнице от туберкулеза, и участь других погибших «маршаковцев» — А. Введенского, Д. Хармса, Н. Олейникова, Р. Васильевой, С. Безбородова, И. Мильчика, Тэки Одулока, М. Бронштейна...

Как уцелел Л. Пантелеев, ходивший, как и все они, по острию ножа, сказать невозможно. Доля случайности всегда присутствует в подобных загадках. На позорном собрании ленинградских писателей в сентябре 1937-го года, где на Маршака и его редакцию лились не потоки, а океаны грязи и лжи, в защиту его раздался единственный голос — писательницы Лидии Будогоской. И она тоже, как ни странно, уцелела, хотя, по логике вещей, своим заступничеством могла бы скорее навредить, ибо, по злой иронии судьбы, являлась дочерью жандарма. Чудом уцелела и Лидия Чуковская, жена расстрелянного в 38-м Бронштейна. Что-то, видимо, заело тогда в отлаженном гулаговском механизме — или план по посадкам оказался перевыполненным?

Л. Пантелеев никогда не предавал, ни на кого не доносил, не участвовал в многочисленных травлях и проработках. А уж за его почти восьмидесятилетнюю жизнь их было, поверьте, вдоволь. Человеком он всегда оставался, по единому мнению всех, кто его знал, — молчаливым и скрытным. Однако это не мешало его внутренней доблести. В книге «Процесс исключения» Л. Чуковская вспоминала, что во времена не такие уж либеральные — в 1974 году — он оказался в числе тех немногих, кто вступился за нее и не побоялся прислать письмо в секретариат СП. Правда, смертью в лагерях это ему не грозило, но бед могло сулить немало.

Впрочем, именно из последней книги узнаем мы о том, сколь часто арест и смерть грозили ему на протяжении самых тяжелых лет. В частности, в 1942 году, когда по не известной никому причине его, умиравшего в Ленинграде от голода и передвигаться

несомненном религиозном фанатизме автора. Ведь во всем, что его окружало, куда бы ни бросала его жизнь — хоть в самые дальние страны,— он ищет не единения с людьми, а — церковь, молитву, верующих, устремленных в храм...

Поймем же его. Не обвиним. Не осудим. Поймем. И не будем смешивать эту несомненную экзальтацию, самовнушение страдающего человека с подлинно религиозным состоянием души.

В книге приведен один любопытный пример, который почти безошибочно свидетельствует об определенной узости авторских воззрений на мир. Размышляя о причинах, по которым А. Пушкин не вошел в общество декабристов, Л. Пантелеев пишет: «Легкомыслие молодого Пушкина, в частности его позорное мальчишеское богохульство, прежде всего отталкивало от него заговорщиков...» По убеждению автора, декабристы были «глубоко и сознательно верующими христианами», — и потому, естественно, отвергли этого «богохульника».

Если бы речь шла об обычном литературоведческом труде, достаточно было бы просто указать на ошибку. Декабристские общества отнюдь не являлись сектой религиозных фанатиков. Среди будущих бунтовщиков были и крайне религиозные люди (как, например, один из самых выдающихся философов декабризма М. Фонвизин или поэт-тираноборец В. Кюхельбекер), и люди совершенно к религии равнодушные — как И. Горбачевский, и материалисты, как И. Якушкин. Любопытно здесь другое. Наиболее рьяно протестовали против «кандидатуры» Пушкина все-таки неверующие декабристы. И отталкивало их отнюдь не пресловутое «богохульство» Пушкина, а известная раскованность его поведения, «откровенное и резкое проявление его взглядов, разящие остроты» (Б. Мейлах), несовместимые с конспиративностью обществ.

Поскольку же перед нами не литературоведческий труд, то дело совсем не в обычном для неспециалиста незнании. Характерна именно жесткая заданность, с которой автор подходит к жизни, вне зависимости от того, идет ли речь о временах давнопрошедших или нынешних.

Во всей книге, пожалуй, только страницы, рассказывающие о детстве автора, покоряют своей мягкостью, лиричностью, задушевностью. Поневоле вспоминаются лучшие детские рассказы Л. Пантелеева. Видимо, мать писателя была истинной милосердной христианкой, человеком искренне и глубоко верующим, — он вспоминает не просто ее частые посещения церкви, а то, как добра была она к любым обиженным, как спасла она человека, ограбившего во время революции всю ее семью, — хотя никакой благодарности от него не дождалась, — как своей любовью и заботой лечила сына, по чудовищной нелепости страшных революционных лет ставшего беспризорным.

В заключение мне хотелось бы отметить еще один, крайне огорчительный, факт нашей поразительной всеобщей невнимательности. В предисловии к книге автор его, С. Лурье, не раз повторяет, как сердился Алексей Иванович Пантелеев (в жизни — Еремеев), когда его пытались упорно именовать Леонидом, расшифровывая таким образом его давнее шкидское прозвище — Ленька Пантелеев. Свои произведения он подписывал всегда без расшифровки — Л. Пантелеев, и псевдоним сросся с ним наипрочнейшим образом. И что же теперь, в посмертной книге? В выходных данных, в конце, крупно написано — «ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ ПАНТЕЛЕЕВ».

Алексей Иванович, всю жизнь страдавший от одиночества, от непонимания, от мучительной душевной боли, ради Бога, простите нашу воистину неискоренимую небрежность.